

Захар Прилепин и Сергей Жадан: произведения о войне в Донбассе (аксиологический вектор)

Аннотация:

Статья посвящена произведениям о вооруженном конфликте на востоке Украины, принадлежащим перу известных писателей, отмеченных многими литературными премиями как у себя на родине, так и за рубежом, пишущих об этих трагических событиях с двух разных сторон фронта — Сергея Жадана и Захара Прилепина. В центре исследовательского внимания — аксиологический вектор сборника эссе «Не чужая смута. Один день — один год», романа-фантазмагии «Некоторые не попадут в ад», сборника рассказов «Ополченский романс» Прилепина, «Луганского дневника», романа «Интернат», а также сборников стихотворений и пьесы «Хлебное перемирие» Жадана.

Ключевые слова:

война в Донбассе, Сергей Жадан, Захар Прилепин, Украина

Ekaterina V. BAYDALOVA
(Moscow)

Zahar Prilepin and Sergey Zhadan: the works on the Donbass war (the axiological vector)

Abstract:

The article is devoted to the works on the armed conflict in the east of Ukraine by famous writers Sergey Zhadan and Zakhar Prilepin who gained a lot of literature rewards on their motherland and around the world. They write about these tragic events from the different sides of the frontline. In the focus of the researcher's attention is the axiological vector of collection of essays «Not Someone Else's trouble. One Day — One Year», novel-phantasmogoria «Some Won't Fall into Hell», storybook «Militia Romance» by Prilepin, «Lugansk Diary», novel «Boarding», books of poems and play «Bread armistice» by Zhadan.

Keywords:

the Donbass war, Sergey Zhadan, Zakhar Prilepin, Ukraine

*Сильней глаза раскрой,
не нужно звать провидца:
все чувствуют, что кровь
вот-вот должна пролиться.
Нас, может, то спасет
в борьбе живого с мертвым,
что с киевских высот
мы в поднебесье смотрим.*

1990-е

Б. Чичибабин

*Усни на моем плече посреди страны,
в которой мы все заложники той шпаны,
что напрочь забыла про детскую боль и грусть —
усни поскорей, я так за тебя боюсь.
Усни на моем плече посреди беды,
В которой мы так бесславны и так тверды,
Что только вдвоем сумеем ее прожить —
Усни поскорей, нам утроем опять тужить.*

2010-е

М. Яснов

С апреля 2014 г. на востоке Украины ведутся боевые действия, получившие в российском информационном пространстве название «война на Донбассе». Несмотря на относительно небольшую временную дистанцию, к настоящему моменту написано немало книг о трагических событиях, разворачивающихся на территориях Луганской и Донецкой областей. Это публицистические очерки и эссе, дневники и мемуары участников происходящего, травелоги, хроники событий, поэтические произведения, рассказы, повести, романы. Книги выходят как по одну, так и по другую сторону границы. Большинство из них вполне предсказуемо политически ангажированы и манипулятивны. Произведения украинских авторов «не только описывают события войны, но и демистифицируют через войну советские стереотипы, развенчивают культы славянского братства, Великой отечественной войны, советского героизма и т.д.»¹ Основная цель таких текстов — переосмысление постсоветской культурной памяти. Прямо противоположные задачи, соответственно, стоят перед писателями, находящимися по другую сторону границы. В настоящее время наиболее заметными литературными явлениями стали ро-

ман «Дочка»* Горихи Зерня (наст. имя — Тамара Дуда) — волонтера в зоне АТО**, — ставший в 2019 г. украинской книгой года Би-би-си и получивший специальный приз литературной премии «Литакцент года», роман «За спиной» Гаськи Шиян (наст. имя — Галина Шиян), удостоенный премии «Литакцент года» в номинации «Проза», а также произведения Захара Прилепина (наст. имя — Евгений Прилепин) и Сергея Жадана. Отдельный, довольно значительный массив составляют произведения, написанные украинскими комбатантами, или посвященные им².

«Бывают странные сближенья»

Прилепин и Жадан — одни из ведущих писателей у себя на родине и одни из самых переводимых на европейские языки литераторов постсоветского пространства. Симптоматично, что именно в Европе, в Германии, на одном из литературных фестивалей в 2015 г. им было предложено провести публичную дискуссию о ситуации на востоке Украины***. Однако Жадан от дискуссии отказался³, и она частично перетекла как в интернет-пространство, так и в творчество самих писателей, находящихся, по выражению Жадана, в состоянии «длительной заочной полемики»⁴. Очевидно, что сейчас они занимают противоборствующие позиции, хотя в интервью украинскому изданию в 2013 г. Прилепин отзывался о Жадане следующим образом: «Очень люблю, отличный писатель... [...] Мускулистые тексты. Очень спокойная, сильная и внятная интонация. Не тяготят. Говорит ровно то, что хочет сказать»⁵, — и утверждал, что тот входит для него в топ десять лучших современных писателей, свою оценку повторял и в 2019 г.: «Я уважаю. Он хороший писатель», невзирая на нежелание украинского автора продолжать общение⁶.

Несмотря на явную антагоничность и в мировоззренческих установках, и в эстетике художественных произведений, у Прилепина и Жадана есть довольно много общего. Прежде всего, в фактах их личной и творческой биографии.

* Действие романа разворачивается в 2014 г. в Донецке.

** Зона АТО (Антитеррористической операции) — название, принятое на Украине для обозначения области вооруженного конфликта в Донбассе.

*** Первоначально участвовать в дискуссии было предложено другому известному украинскому писателю — Юрию Андруховичу, но он отказался.

Они практически ровесники: Прилепин родился 7 июля 1975 г. в селе Ильинка Скопинского района Рязанской области, Жадан — 23 августа 1974 г. в городе Старобельске Ворошиловоградской области*. Оба получили филологическое образование**. Практически одновременно они выступили как прозаики (хотя в литературу украинский писатель пришел почти на десять лет раньше***): в 2003 г. Жадан опубликовал сборник рассказов «Биг Мак», в 2004 г. — роман «Депеш Мод». Прилепин в 2004 г. — роман о чеченской войне «Патологии», в № 1–2 журнала «Север».

Оба писателя отличаются активной жизненной позицией: являются участниками и организаторами разнообразных проектов. Это работа в кино, в театре, на телевидении, участие в литературных акциях, перфомансах, составление литературных сборников и антологий, собственные колонки в периодических изданиях, постоянные выступления на различных мероприятиях. С конца 2017 г. у Прилепина выходит авторская передача на канале НТВ «Уроки русского», в ходе которой он комментирует и анализирует актуальные события и темы****. Жадан с 2020 г. ведет передачу на радио «НВ» «Говорит Жадан», в которой в прямом эфире встречается со знакомыми для Украины людьми*****. По произведениям Прилепина и Жадана сняты художественные фильмы, причем оба писателя исполнили эпизодические роли в картинах по своим книгам (Прилепин — в «Восьмерке» (2013) Алексея Учителя по одноименному сборнику повестей, Жадан — в фильме «Дикое поле» (2018) Ярослава Лодыгина по роману «Ворошиловград»), а также снимались и в других лентах.

Для обоих литераторов крайне важными оказались совместные проекты с музыкальными группами. Прилепин записал несколько

* С 1990 г. — Луганская область.

** Прилепин закончил в 1999 г. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Жадан — в 1996 г. Харьковский национальный педагогический университет им. Г. Сковороды. Однако Жадан стал еще кандидатом филологических наук, защитив диссертацию.

*** Его первый поэтический сборник появился в 1995 г.

**** До этого писатель вел программу «Чай с Захаром» на Царьград ТВ и музыкальную передачу «Соль» на РЕН ТВ.

***** Его гостями, в частности, были музыканты Олег Скрипка и Тарас Чубай, писатели Юрий Андрухович и Андрей Кокотюха, бывший министр здравоохранения Украины Ульяна Супрун и др.

альбомов со своей рок-группой «Элефанк» (год создания — 2011) и рэпером Ричем, сотрудничал с одной из наиболее интересных российских групп, продолжающей и переосмысливающей традиции русского рока, «25/17»*. Нашумевшей композицией, вызвавшей неоднозначную оценку в обществе, стал трек, записанный совместно с рэперами Ричем и Хаски, «Пора валить тех, кто говорит: “Пора валить”». Интересно, что Прилепин даже посчитал необходимым объяснить по поводу этой песни у себя в Живом Журнале: «...это песня, а не приказ по армии. То есть, она несет смысл метафорический. [...] клип не является иллюстрацией к тексту песни. Он несет ярко выраженный саркастический и во многом пародийный смысл. [...] Перед нами, в известном смысле, то, что называется трэш и осмысленный китч»⁷. Жадан записывает альбомы и выступает с группой «Собаки в космосе» (год создания — 2000, начало сотрудничества с Жаданом — 2008), является одним из членов рок-группы «Линия Маннергейма» (год создания — 2017). Кроме того, он исполнял свои стихи с джазовым музыкантом Ефимом Чупахиным, которого называют в числе лучших современных пианистов Украины.

Произведения Жадана и Прилепина переведены на множество иностранных языков. Они являются обладателями литературных премий как внутри собственной страны, так и за границей, одними из самых читаемых и продаваемых авторов у себя на родине**. О каждом из двух писателей уже вышли книги. О Прилепине — написанная в комплиментарном ключе к сорокалетнему юбилею писателя его другом, критиком и журналистом Алексеем Колобродовым⁸. Это, как указывает автор, не биография, время которой не пришло, а литературный портрет. Книги писателя в ней рассматриваются как часть его судьбы. Издание снабжено справочным аппаратом: в нем есть библиография, дискография, перечень экранизаций и театральных постановок

* В 2002–2009 гг. носила название «Иезекиль 25:17».

** Так, например, в 2017 г. Прилепин разделил первое место с Донцовой и Акуниным в рейтинге самых продаваемых писателей. Несколько лет подряд Прилепин оказывался самым упоминаемым в СМИ писателем, в 2011 г. его сборник рассказов «Грех» был назван книгой десятилетия по версии литературной премии «Национальный бестселлер». Произведения Жадана устойчиво входят в двадцатку самых продаваемых украинских изданий, причем в разные годы Жадан поднимался до пятого места рейтинга. В 2014 г. Жадан занял первое место в рейтинге журнала «Forbes» «10 самых значительных писателей Украины».

вок по произведениям Прилепина, а также выдержки из интервью и личных бесед с писателем. Книгу о Жадане* написал титулованный литературовед Иван Дзюба, в багаже которого — большое биографическое исследование о Т.Г. Шевченко. К сожалению, маститого автора есть в чем упрекнуть: в книге имеются фактические неточности, многое свидетельствует о том, что она писалась несколько «наспех», когда критику оказалось некогда разбираться с датами выхода произведений Жадана, и потому допущены досадные ошибки**. В целом, Дзюба довольно критично оценивает творчество Жадана, особенно его прозу («В ней — как мне кажется — житейское и локальное, тогда как в его поэзии — сущностное и мировое»⁹), но при этом считает должным отметить, что «в антологии украинской поэзии (наверное, и мировой) ему место уже гарантировано»¹⁰. Эта книга — не научное исследование и не биография писателя, а размышления автора совершенно другого поколения над произведениями молодого и очень популярного литератора, размышления очень личные, в которых часто проявляется непонимание эстетики такой современной литературы, ее этики и аксиологии.

И тот, и другой писатель не скрывают свою политическую позицию. У Прилепина это национал-большевизм. Одно время он был членом партии Эдуарда Лимонова «Другая Россия». В 2010 г. подписал обращение российской оппозиции «Путин должен уйти», но после украинских событий 2014 г. и присоединения Крыма к России переосмыслил свое отношение к современной российской власти и даже вошел в состав «Общероссийского народного фронта». С 2016 г. Прилепин является членом Общественного совета при Министерстве культуры Российской Федерации, в 2019 г. он стал одним из организаторов и председателем национал-патриотической партии «За правду». Жадан всегда подчеркивал, что ему близко мировоззрение, находящееся в границах левого дискурса, и практически всегда пребывал в оппозиции к украинской власти. Разные политические партии много раз приглашали его как публичное лицо присоединиться к ним, но Жадан ни к одной из них не примкнул, хотя не скрывал своих политических

* «Черный романтик Сергей Жадан» (2017).

** Такие, например, как упреки, что книга «Anarchy in the Ukr» написана как будто не сорокалетним автором, а десять лет назад (так и есть на самом деле, а в руках у Дзюбы просто оказалось переиздание этого произведения).

симпатий*. На последних выборах президента Украины он открыто поддержал кандидатуру П. Порошенко, поскольку считал и считает, что В. Зеленский в качестве президента страны не компетентен¹¹.

Актуальная политическая позиция писателей в отношении происходящего на востоке Украины и определенный жизненный опыт — это то первое и главное, что бросается в глаза, если говорить об их различии. Прилепин в 2016–2018 гг. в качестве добровольца воевал в Донбассе, с декабря 2015 г. являлся советником главы ДНР** Александра Захарченко, а до начала писательской карьеры был бойцом ОМОНа, принимал участие в боевых операциях в Чечне и Дагестане. Жадан никогда не брал в руки оружия, но восточные районы с украинской стороны линии фронта посещал тогда, когда там шли бои, и продолжает приезжать туда в настоящее время. Один из его долгосрочных проектов, пропагандирующих современную украинскую литературу, называется «Восток читает»***. И у Прилепина, и у Жадана есть свои благотворительные фонды, с помощью которых они активно оказывают гуманитарную помощь жителям прифронтовых территорий, только, естественно, с разных сторон. Именно от этих двух писателей очень ждали художественного высказывания о войне в Донбассе, однако первые отклики были публицистическими. В конце 2014 г. Жадан выпустил сборник путевых очерков «Луганский дневник»¹², в 2015 г. Прилепин — сборник эссе «Не чужая смута. Один день — один год»¹³.

Публицистика

«Луганский дневник» Жадана — записки о поездке в зону начинающихся военных действий. Они были помещены под одну обложку с другим сборником его рассказов «Anarchy in the Ukr»****,

* Во время последних выборов Жадан отдавал их партии «Голос», главой которой на тот момент являлся лидер музыкальной группы «Океан Эльзы» Святослав Вакарчук. Партия эта правоцентристская, так что и политические воззрения Жадана со временем претерпели изменения.

** ДНР — Донецкая Народная Республика. Была провозглашена 7 апреля 2014 г. на территории Донецкой области Украины.

*** В рамках проекта многие современные писатели Украины совместно с Жаданом посещают восточные районы, проводят там творческие вечера, презентации новых книг, встречи с читателями.

**** Эта книга в русском переводе вошла в «лонг-лист» российской литературной премии «Национальный бестселлер» в 2008 г.

вышедшим в 2005 г.¹⁴ Первая книга — приключения и рефлексии героя в ходе поездки по местам боевой славы одного из самых известных анархистов Нестора Махно. Путешествие героя «Дневника» пролегает почти по тем же местам, только теперь совсем рядом начинается война. Это короткие заметки: всего шесть записей — шесть дней от 27 апреля до 3 мая 2014 г. (запись от 2 мая отсутствует) и пространное эссе о свободе, датированное 8–9 мая того же года. Автор описывает встречи с разными людьми: украинскими милиционерами* на блокпостах, с удивлением слышащими от спутницы писателя «Слава Украине!» и ничего не отвечающими в ответ, активистами «майдановцами», пригласившими писателя на творческую встречу, работягами, празднующими рождение ребенка и выступающими «против всех», «сепаратистами», которые оказываются «очень славными и приятными людьми, несмотря на то, что играют хеви-метал»¹⁵. Однако стоит разговору повернуть в сторону политики, зыбкое равновесие тает: «Мы удивляемся друг другу так, будто не в одной стране жили все это время, не в одном пространстве пребывали. Как будто нас всех чем-то обделили, как будто нам всем чего-то не хватает. Казалось бы, у нас столько общего, что не должно быть проблем. Но проблема в том, что общего у нас ровно столько, сколько и различного, и про это так или иначе надо помнить. Хотя бы для того, чтобы потом не братья за оружие»¹⁶. Почти все люди, с которыми встречается писатель, продолжают жить своей жизнью: отмечают праздники, репетируют концерты и спектакли, выпивают на обочине, стоят на посту. Они как будто и не участвуют в тех глобальных событиях, которые происходят на их родине. Здесь впервые появляется важная для Жадана в произведениях о войне в Донбассе тема выбора, точнее его отсутствия. В пространном эссе о свободе, которым завершается «Луганский дневник», писатель рассуждает об абстрактных понятиях — свободе, равенстве и братстве — и о реальной жизни, о подростковой тяге к независимости и рациональной необходимости, о правах и обязанностях, о непреодолимом желании сделать свой свободный выбор и ответственности за него: «Любой выбор с нашей стороны предполагает такой же неминуемый выбор с другой стороны, любой шаг, любой жест предполагает отбрасывание тени, смещение расста-

* Украинская милиция была переименована в полицию осенью 2015 г.

новки сил, ответную реакцию, дальнейшее эхо, которое невозможно предвидеть, но и проигнорировать тоже невозможно. Особенно когда речь идет о необходимости ответственности»¹⁷.

Книгу Прилепина «Не чужая смута. Один день — один год» корреспондент «Российской газеты» назвал «одним из важнейших событий литературного года»¹⁸. Биограф писателя А. Колобродов рассматривает ее как единое высказывание с предыдущим сборником эссе «Легучие бурлаки»¹⁹. Тематические векторы разные: внутренний (страна и семья, либерализм и неоконсерватизм в «Бурлаках») и внешний (Украина, Новороссия, Крым, полемика с «прогрессивной общественностью» в «Не чужой смуте»), а «линия фронта едина, идеи и чувства одинаковы»²⁰. Основой данного издания стали интернет-заметки писателя, сделанные по горячим следам того, что происходило на Украине, и реакции российского общества на свершившееся. Это была публицистика, «иногда обжигающе горячая»²¹. Значительную часть книги составляет во многом опирающаяся на исторические аналогии полемика с той частью российской интеллектуальной элиты, которая безоговорочно приняла сторону «европейского выбора» украинского государства. Основной пафос «Не чужой смуты» — неприятие двойных стандартов в отношении действий России и других государств. Сборник эссе состоит из семи «книг», записи в которых расположены в хронологическом порядке, начиная с 1 декабря 2013 г. Три из них («Война», «Военкоры и сепаратисты», «Новороссия продолжается») посвящены непосредственно войне в Донбассе. Две последние — это по большей части путевые очерки Прилепина о поездках в Луганскую и Донецкую области с гуманитарной помощью. Народные волнения в Крыму и на юго-востоке Украины для писателя «проимперские по сути своей и во многом “левые” по риторическому содержанию»²². Писатель подчеркивает, что в соседней стране были предпосылки для раскола задолго до событий 2014 г., о чем «все и всё, конечно, знали и сами сто раз об этом писали в прессе». Прилепин отмечает: «За несколько лет до Майдана мне мои львовские товарищи, западенцы в чистом виде, говорили, что их страна может разломиться надвое, так как здесь живут люди, чужие друг другу»²³.

Для автора одним из важнейших является понятие рода: «Потому что есть непрерывная линия: рождение — род — Родина»²⁴. С жи-

телями Украины он чувствует родственную связь, поэтому для него вопрос Крыма и Новороссии «родственный»²⁵, от которого он не может быть в стороне. На территориях Донецкой и Луганской областей Прилепин оказывается тогда, когда там уже идет война. Описываемые им пейзажи — соответственные: «...убитая дорога и горит поле. Апокалиптический вид. Тьма вокруг — и поле горит»²⁶. Для людей, живущих на этой территории, мир раскололся на до и после начала войны.

Тема выбора — одна из центральных в «Не чужой смуте». Выбор, сделанный ополченцами, видится писателю как свободный и жертвенный, а оттого радостный, поэтому «в Новороссии все время ощущение какого-то праздника, ярмарки, доверия друг к другу»²⁷. Люди, с которыми встречается автор, главным образом, ополченцы (причем ими оказываются не только местные разных национальностей, но и представители многочисленных народов, приехавшие из России), иногда военкоры, знакомые или случайные прохожие: все с восточной стороны. Противник не персонализирован: это лишь силуэты на блокпостах или смутные фигуры в окопах на «той» стороне, где находятся «люди, которые хотят убить людей, которые с этой стороны. Они там ходят, смеются, разговаривают. Точно так же, как и здесь. Сложно это осознать в какой-то ясности и простоте»²⁸. Ополченцы же приобретают черты мифологизированных героев, «на глазах превращаются в былинных персонажей»²⁹, либо являют собой идеальную формацию рабочего человека. С такими выпущенными из плена ополченцами в возрасте 45–65 лет автор едет в «газели», а затем подробно описывает этот тип настоящих рабочих, который является «не деклассированным типом работяг — из убитых моногородков, а тем прежним, советским. Когда работяга с завода записан в библиотеку, у дивана всегда лежит книжка, заложенная согнутым уголком страницы, а порой в театр с женой, и так далее. [...] принципиальный, упрямый, правильный, читает “Науку и технику”, лоджию сам обустроил, плитку в ванной сам положил, отлично отгадывает кроссворды, но не потому, что нахватался ответов в других кроссвордах, а потому, что твердо знает многие штуки на свете. Сыну объяснит ответ по истории или географии. Патриот, естественно. [...] За четыре часа в машине никто не выругался матом»³⁰.

Если для Жадана «проблема в том, что очевидных вещей на самом деле не существует. И простых решений тоже»³¹, то в публицистиче-

ском запале диалектическая сущность происходящего для Прилепина выражается, пожалуй, только в предложении одной из своих оппоненток, которая пишет, что она, находясь во Львове, пребывает «в восторге от нашего народа», — внимательно посмотреть на Донбасс, на противоположную сторону АТО, где мира «гораздо меньше, чем во Львове» и где точно так же можно сказать: «Я в восторге от нашего народа»³². Прилепин признает, что примеры героизма, доброты и отзывчивости могут быть также с другой воюющей стороны, и предлагает: «... пусть писатель Жадан и писатель Андрухович поедут и зафиксируют. Я не настаиваю, что это имеется только здесь. Но то, что здесь имеется, — я настаиваю»³³.

«Большая проза». Ожидание

Предчувствие не только публицистики, но и «большой прозы» именно от этих двух писателей витало в воздухе. От Жадана, поскольку он уроженец востока Украины (его родной город Старобельск Луганской области остался на украинской стороне); от Прилепина как от участника военного конфликта*; и от обоих — как одних из значимых фигур в современных национальных литературах. В очередной раз и тот, и другой автор оказались в схожей литературно-биографической ситуации: у каждого из них романы о войне в Донбассе — первые крупные прозаические произведения после романов, безоговорочно считающихся у них лучшими. У Жадана — это «Ворошиловград» (2010), у Прилепина — «Обитель» (2014). Обе книги были отмечены крупными наградами**. «Обитель» была очень хорошо принята критиками. Так, Галина Юзефович, не являющаяся безоговорочной поклонницей Прилепина, писала: «Новый роман Прилепина “Обитель” с большим запасом компенсирует все выданные ему ранее авансы без малейших сомнений и перемещает его в главные писатели современности. [...] И дело тут совершенно не в политических взглядах и не в брутальной маскулинности, а в вещах сугубо

* С декабря 2015 г. Прилепин был советником главы ДНР Александра Захарченко; с октября 2016 г. по июль 2018 г. — заместителем командира батальона спецназа по работе с личным составом армии ДНР.

** «Ворошиловград» победил в конкурсе «Книга года Би-би-си», в 2014 г. был объявлен «Книгой десятилетия Би-би-си»; произведение Прилепина было удостоено национальной литературной премии «Большая книга», сам автор — в 2017 г. премии Правительства Российской Федерации в области культуры.

практических, простых и измеримых — литературной одаренности и масштабе личности»³⁴. Романы Жадана и Прилепина экранизированы: фильм «Дикое поле» (реж. Я. Лодыгин, 2018), восьмисерийный сериал «Обитель» (реж. А. Велединский, 2021).

Критики часто замечают, что проза обоих писателей — настоящая «мужская» литература, некоторый недостаток которой к моменту появления данных романов ощущался читателями как России, так и Украины. Вместе с тем именно эти произведения выпукло демонстрируют различия, которые существуют в поэтике двух авторов. Если ограничиться очень краткими характеристиками, то роман Прилепина — неореалистическая проза в духе полотен Босха, а проза Жадана — мифопоэтическая фантазмагория, построенная на реальных социальных контрастах и противоречиях постсоветского пространства востока Украины. Необходимо отметить, что проза Жадана, поскольку он в первую очередь поэт, очень метафорична и поэтична, что, к сожалению, не в полной мере отражают ее переводы на русский язык. В интервью после публикации «Ворошиловграда» Жадан говорил, что у него есть задумка написать о гражданской войне, о тех исторических событиях, когда Махно хотел сделать в Старобельске свою столицу: «...плохо, что в нашей литературе очень мало Харькова, Донбасса, Крыма. Наши писатели не воспринимают эти территории, как будто не считая их своими. А это неправильно, нужно вводить эти территории в украинский литературный контекст»³⁵. В итоге Жадану пришлось писать о другой гражданской войне. При этом невозможно пройти мимо пророческих строк из «Ворошиловграда»: «Всё очень просто: держаться друг за друга, отбиваться от чужих, защищать свою территорию, своих женщин и свои дома. И все будет хорошо. А даже если не будет хорошо, то будет справедливо»³⁶.

Романы о войне в Донбассе

Роман Сергея Жадана о войне в Донбассе «Интернат» (2017) получил приз «Лучшая книга» на 24-ом Форуме Издателей (Украина, Львов) в номинации «Современная украинская проза» и стал первым романом про эту войну «в чистом виде»: «без ссылок на то, что персонажи списаны с реальных людей, без топонимов, которые можно проверить по карте, без каких-либо примесей замаскированной пу-

блицистики, популярной политологии и документальных вставок»³⁷. Это книга о трех днях зимы 2015 г., которые проживает в Донбассе, где активно ведутся боевые действия, главный герой — учитель украинского языка Паша. Основные темы произведения — метафизическое одиночество и сиротство. Некоторые критики считают интернат метафорой Донбасса, утратившего связь с большой Родиной и ставшего собранием никому не нужных людей, однако в романе Жадана интернат прочитывается и как метафора онтологического мироощущения недолюбленного, потерянного, оставленного, богооставленного человечества, хотя сам автор предлагает более узкую ее трактовку: «...это взаимоотношения не только с Донбассом, а со всем нашим постколониальным обществом, где есть определенная неукорененность, настороженность, определенная оторванность от общества, от страны как таковой. Когда есть ты, есть страна, и ваши интересы не совпадают, а более того — конфликтуют. Очевидно, что это не совсем здоровая ситуация, когда ты в своей стране чувствуешь себя лишним элементом. Очевидно, что это неправильно»³⁸.

Герой романа отнюдь не героичен: он обычный обыватель, неудачник по жизни, которого бросила девушка, не уважают ученики и который с безразличием воспринимает окружающую действительность. Будучи инвалидом (увечье одной из рук), сердечником и соответственно непригодным к военной службе, он имеет вполне законное основание не участвовать в военных действиях. Однако Паша и сам по себе равнодушен к политике и к тому, что происходит вокруг, не принимает ни одну из сторон, не разбирается во флагах и военных знаках отличия. «Его хата в буквальном и метафорическом смысле “с краю”»³⁹, как писал один из критиков романа. Паша отправляется через линию фронта в соседний город, находящийся в эпицентре боевых действий, за своим племянником, живущим в интернате. Это путешествие туда, а затем обратно, уже с племянником, и составляет сюжет романа. Если попасть туда оказывается довольно легко, хоть и опасно, то вот выйти из города, покинутого украинскими военными и постепенно заполняющегося другими силами, которые в романе так и не называются, оказывается не так-то просто: герой кружит по городу три дня, попадая в одни и те же места, проходя их по кругу, каждый раз понимая нечто новое для себя. Город становится сталкерской зоной, в которой нельзя оставаться: «Паша смотрит

на город и совсем его не видит. Видит лишь черную яму, над которой, точно воздушные змеи, поднимаются огромные черные столбы дыма с длинными хвостами. Так, будто кто-то высасывает из города души»⁴⁰.

Это история про гражданского, случайного человека на войне, который все время пытается убедить себя, что ему «никого не жалко, никого»*, про человека, который, переживая смертельный, животный страх, в итоге договаривается со своей собственной смертью, «пахнущей мокрой псиной», и «бежит, не останавливаясь, не оглядываясь, сколько есть сил, сколько есть времени». И тогда «света становится все больше, он заливают собой все вокруг, его становится так много, что он заполняет собой все. Так, будто жизнь состоит только из света, так, будто в этом мире совсем нет места для смерти»⁴¹.

Пространство текста крайне физиологично, наполнено запахами крови, железа, грязи, «кишками и внутренностями»⁴² войны. Роман насыщен оппозициями: *холод / дым, тепло, огонь* («Разбитая будка, вырытые рядом траншеи — также обгоревшие и засыпанные мерзлым песком. Белая, как кость, сталь холодных рек. [...] Но главное не это, главное — что за будкой, по ту сторону насыпи стоит “урал”, нагруженный темными ящиками. Кабина сгорела, и от колес остались только паленые ошметья, а вот ящики почему-то не горят, только тлеют, и дым от них поднимается, будто из крематория, неторопливо заполняя собой зимнее небо»⁴³); *тишина и внезапно раздающиеся резкие звуки* (как в сцене возвращения военных после поражения в бою: «Чем ближе они подходят, чем отчетливее становятся их лица, тем тише становится вокруг. [...] И вот первый подходит к укреплениям и вдруг выбрасывает вверх кулак и начинает кричать, как будто ругает богов за плохое поведение. Проклинает, угрожает, злится...»⁴⁴); *молчание / звуки разрывающихся снарядов; цветовые контрасты* (черный / красный, черный / белый: «черные деревья в снегах, ветки на фоне красного неба»⁴⁵; «черные от грязи лица, яркие белки глаз»⁴⁶ солдат, черные псы на белом снегу⁴⁷). Критики отмечают хемингуэвскую простоту стиля: «минимум рефлексий, максимум простых, но необходимых, физических действий», при этом «фактически нет ничего лишнего, а текстовые периоды короткие и

* По-видимому, аллюзия на припев песни группы «Ленинград» «Никого не жалко»: «Никого не жалко, никого, ни тебя, ни меня, ни его».

звучные, как выстрелы в наэлектризованном воздухе»⁴⁸. Очень часто употребляется эпитет «пустой» («пустой туман», «пустая улица», «тихо и пустынно»⁴⁹ и т.д.), но вместе с тем много снега и неба, таким образом воссоздается донбасский степной ландшафт — огромное пустое зимнее пространство.

В городе и окрестностях совсем нет птиц, но зато есть бродячие собаки. Они словно преследуют главного героя, напоминая о себе и тяжелым запахом псины от шубы случайной попутчицы, и хриплым лаем. Собак в романе очень много, они вновь и вновь возникают вплоть до финала романа то в одной, то в другой сцене, в прошлом и настоящем героя. Такое настойчивое появление собак было в другом произведении о другой войне — в первой прозаической книге Захара Прилепина «Патологии», с которой у «Интерната» много общего*. Однако если в «Патологиях» собака — символ домашнего очага, уюта, мирной жизни и вместе с тем жертва войны**, у которой надо просить прощения***, то в «Интернате» собаки могут представлять угрозу для человека, являться посланниками смерти: они «выворачивают лапами снежные ошметки, надвигаются, все острее чувствуя запах жертвы. Все ближе и ближе, все злее и азартнее, понимая, что жертва никуда не убежит, никуда не денется, что вот она, впереди, на расстоянии нескольких сильных рывков, еще немного, еще какое-то мгновение — и ее можно будет накрыть в прыжке, можно будет вгрызться зубами в горло, вот она, пытается вырваться, пытается перехитрить судьбу»⁵⁰. В финальной сцене романа возвращаются птицы, они сидят

* Сравнительный анализ этих произведений требует отдельного исследования.

** Почти в начале романа при въезде в Грозный бойцам встречается собака с розовой проплешиной на спине, «как у паленого пороса. Мелькает проплешина, мелькает раскрытая пасть, серый язык, дурные глаза. Кажется, что от собаки пахнет гнилью, гнилыми овощами. Движения ее становятся все медленней, она садится, потом ложится. Из пасти ее начинает течь что-то бурое, розовое, серое — собака блюет. Она блюет, и рвотная жижа растекается возле головы собаки, забивает ее ноздри. Собака пытается поднять голову, и жижа тянется за мордой, висит на скулах, сползает по шерсти. Псина испуганно вскакивает, будто чувствует, что легла на то самое место, где должна встретить смерть. [...] Шея неожиданно вскидывает ствол и стреляет собаке в голову, трижды, одиночными, и каждый раз попадает. Кажется, что черепная коробка открывается, как крышка чайника. Голова собаки заполнена рвотой. Ее рвало внутренностями головы» (*Прилепин 3. Патологии. М., 2018. С. 22*).

*** «Мне казалось, что я плачу и собаку обнимаю. Что шепчу: “Сученька моя, прости меня, сученька... пусть меня все простят... и ты, сученька моя”» (Там же. С. 351).

около остановки: «Целые стаи. Сонные, мокрые, неподвижные. Так, будто ждут автобус. Возможно, прилетели из города, ближе к своим, чувствуют себя тут более безопасно»⁵¹. Вместо взрослых собак, представляющих угрозу для героя, появляются щенки «рыжие, с пятнами. Один уже окоченел. Другой тоже сейчас умрет»⁵². Племянник уговаривает Пашу взять еще живого щенка, прячет его за пазуху, где тот сразу же мочится, но успокаивается и больше не пищит, по-видимому, выживет. Из символа угрозы, казалось бы, собака превращается в символ домашнего очага (герои уже почти на пороге родного дома), но последние слова о щенке, сказанные племянником («Вырастет — всех порвет»⁵³), возвращают читателей к страстному внутреннему монологу Паши о том, что как бы всем этого сильно ни хотелось «никто ничего не забудет, никто ничего не оставит в прошлом, и мелкий [племянник. — Е. Б.], хоть бы что с ним дальше ни происходило, будет тащить за собой все эти воспоминания, как сумы с камнями, и этот запах рваной кожи и соленых мужских слез будет преследовать его до конца его дней, и тень интерната будет стоять за его спиной, где бы он ни был, в каких бы солнечных местах ни очутился»⁵⁴.

Любовь племянника и дяди друг к другу проводит их сквозь «зону» и возвращает домой. В романе есть и кровь, и гробы с катафалками, и трупный запах, и мертвые, захороненные офицеры, и умирающие на операционном столе «зеленые» солдатики, но есть и надежда на спасение — *сберечь свой род, сохранив как семью, так и историю народа*. Почти в конце пути Паша и его племянник встречают военного, вынесшего из разбитого, сторевшего музея отпечаток папоротника на древнем минерале. Происходит символичная передача этого кусочка истории учителю для школьного музея или кабинета географии, для сохранения и передачи его следующим поколениям.

Сам автор книги в интервью Би-би-си объяснял, что писал о мирном населении, о простых людях, об «их выборе и отсутствии у них выбора, об их позиции и отсутствии этой позиции, о необходимости брать на себя ответственность и отсутствии привычки брать на себя ответственность. Весь этот комплекс очень сложных и болезненных вопросов, которые многих беспокоят и тревожат. [...] Хотелось показать эту ситуацию необходимости выбора, смены твоего отношения к миру. Может быть, это не связано напрямую с войной. Когда человека ставят перед необходимостью выбора, когда он вынужден

делать выбор, иначе рискует потерять себя»⁵⁵. В романе герой событиями и ситуациями, в которые он попадает, навязчиво подводится к необходимости делать этот выбор: словно, не сделав его, он останется незначим, словно, лишь приняв ту или иную сторону, он оправдывает свое существование. Сугубо человеческое (без выражения определенной гражданской позиции) оказывается недостаточным для признания ценности его жизни: «Будто никто никого не обвиняет, но все же если ты не помнишь, когда в последний раз ходил на выборы, ты — виновен»⁵⁶.

Книгу Прилепина «Некоторые не попадут в ад» (2019), названную автором романом-фантаσμαгорией, роднит с произведением Жадана мотив богооставленности, экзистенциального одиночества человека. Жанр романа гибридный, на стыке мемуарно-публицистической и художественной литературы. Примечателен его подзаголовок, вынесенный на обложку: «Кто-то романы сочиняет — а я там живу». Прилепин говорит о своем романе следующее: «Эта книга слишком сиюминутная. В этом ее большой плюс и огромный минус. Никакая реакция не должна быть немедленной. Как говорят, месть нужно подавать холодной, так и любое блюдо литературное, культурное нужно подавать холодным, надо отступить на некоторое расстояние. Как в стихах Есенина: “Большое видится на расстоянии”. Но у меня не было ни желания, ни возможности пережить. Потому что мне хотелось тем людям, которые были причастны к каким-то событиям, дорогим людям сказать “спасибо”, а умершим людям сказать “прощай”. А отворотительным людям сказать: “я все знаю про вас”»⁵⁷.

Описывая подлинные факты и существовавших на самом деле людей, Прилепин меняет реальность, спрессовывает события нескольких лет в один год, ускоряя и концентрируя происшедшее. С одной стороны, он прячется за определение романа «фантаσμαгория» (как сам Прилепин говорил в интервью, это для того, чтобы никто не мог подать на него в суд, когда узнает себя в романе⁵⁸), с другой — фантаσμαгория позволяет создать многослойность происходящего в тексте, когда реальность сменяется сном, а сон — видением, прошлое вторгается в настоящее, а будущее известно уже в начале романа. Плотность текста такова, что потенциально из многих эпизодов «можно было бы сделать несколько рассказов»*, как из сцены

* Книга Т. Прохасько «Из этого можно было бы сделать несколько рассказов» (2005).

в ресторане: «Официант — безупречные балетные движения, белые брюки, белая рубашка — собирал посуду с непроницаемым лицом. Он тоже когда-то служил в ополчении, я знал. Был грязный, контуженный, с ошалевшими глазами; теперь сменил ампулу; вот мельком, навскидку, судьба — для рассказа, для кинофильма по этому рассказу. Можно в этой точке остановиться, свернуть, и прожить целую чужую жизнь, пойдя боковой тропкой»⁵⁹.

У многих явлений и людей в романе есть прототипы, у людей и мест есть кодовые имена. Так, постоянно упоминается «страна на севере» и ее властитель «северный император», «который смотрит на мир прозрачными глазами, и мир тоскует»⁶⁰, противники по ту сторону фронта практически всегда именованы «нашим несчастным неприятелем»⁶¹ и никак иначе. Происходящее в романе словно погружено во тьму: с ее описания начинается роман («...Многие месяцы проползали как ночные поезда — вроде, шум был, но тьма же вокруг, ничего толком не разглядишь, только тревога, запах мазута, плохой сон»⁶²), все основные посиделки и задушевные философские разговоры случаются ночью, а текст заканчивается словами «Черным-черно»⁶³.

Большинство героев книги — это ходячие мертвецы («пристылыми мертвецами»⁶⁴ называет герой романа бойцов своего батальона при первом знакомстве): кто-то, как многие боевые товарищи повествователя, действительно погиб к моменту создания романа, а кто-то умер в метафорическом смысле после всего, что с ним произошло и что довелось пережить. В самом начале книги один из бойцов ведет воображаемый разговор с будущим внуком: «Командир погиб, дедушка? — Да, внучок, мы все погибли, я тоже погиб»⁶⁵. И в конце книги после похорон Захарченко герой говорит о себе: «Я не пью больше. Я неживой, зачем мне пить. Открываешь рот — сразу течет сквозь костяные челюсти прямо на ребра: выглядит так себе»⁶⁶. Текст романа плотно населяют не только мертвецы и убийцы («“Надо же, — размышлял я по дороге, любуясь на прозрачную, тишайшую, нежнейшую донецкую погоду: — все мои друзья — убийцы; что-то я никогда об этом не задумывался”. [...] убийцы, а я не знаю лучше людей»⁶⁷), но и публичные фигуры, с которыми встречается повествователь во время своих отъездов с линии фронта. Среди них Эмир Кустурица, Моника Белуччи, Эдуард Лимонов,

Никита Михалков. Их портреты поданы несколькими точными выразительными штрихами. Так, у Кустурицы «собачьи глаза», «одна бровь как-то ниже другой подвисла, щетина чуть седая, улыбается не то чтоб на одну сторону лица, а на, скажем так, полторы стороны, рост огромный, весь такой добрый, как медведь»⁶⁸, но главное, что он — «исключительный случай, когда человек ростом со свои работы, а не мельче, ниже, нелепей их»⁶⁹. Один из самых экспрессивных портретов — портрет рэпера Хаски, приехавшего выступить на концерте в Донбассе: он «словно подранок, метался по сцене. У него минутно будто бы отваливалась голова, и ее надо было придерживать руками. У него явственно болело все: внутри и снаружи»⁷⁰. Рядом с ним почти сказочные портреты комбатов: «Среди них были сбежавшие на час-другой из детской книжки герои — пока их не убили, загнав обратно под обложку: небывалые, красивые, покоряющие»⁷¹. С пронзительно трогательной нежностью писатель создает образ боевого братства, а на его фоне — портреты своих ярких, незаурядных соратников, товарищей-идеалистов, романтиков, воюющих плечом к плечу за идею, а не за материальное вознаграждение, словно хочет каждого из них сохранить хотя бы таким образом, потому что некоторые из них «находились в первой половине жизни и до второй могли не добраться»⁷². Все они, на страницах книги обретающие черты мифологизированных героев, — Тайсон, Граф, Шаман, Злой, Араб — «вышколенные бойцы без страха и упрека, стреляющие без рассуждений, на самом деле — ласковые дети; в каждом хлопал глазами ребенок, которому однажды были обещаны тепло, защита, любовь навсегда, справедливость, верность»⁷³.

Война, изображенная в этом романе, существенно отличается от войны в «Патологиях»*. Там главный герой постоянно находился в состоянии страха и напряжения, а здесь он может сидеть с друзьями в кафе, смеяться, потом запрыгнуть в машину, уехать, пострелять, «погубить кого-то», «лучше, если нет, но могли и погубить», а потом вернуться обратно за стол на те же места и опять сидеть. «Такая война странная»⁷⁴. В «Патологиях» был изображен один чеченец, воевавший на стороне федеральных войск, всего один. Среди врагов

* Сравнение этих романов, хоть оно и не находится в фокусе нашего исследовательского внимания, неизбежно, поскольку их центральная тема — изображение человека, принимающего участие в гражданской войне.

были немногочисленные «хохлы», воевавшие на стороне чеченцев, но все же основная масса врагов в книге — чеченцы, «чичи». В романе о войне в Донбассе гражданская война — внутринациональная, потому что «многие в батальоне считали себя украинцами и воевали за Ковпака против Шухевича, за Махно против Петлюры, за Богдана Хмельницкого против Ивана Выговского»⁷⁵. Если в «Патологиях» в образах врагов всегда есть нечто неприглядное, звериное: оскал, цепляющаяся за сетку черная лапа, «с крепкими ногтями в грязной окаемке», «обильно бородастое лицо»⁷⁶, — и по отношению к ним есть только страх и ненависть, то в романе «Некоторые не попадут в ад» противник пробуждает, скорее, сочувствие. Это «наш несчастный неприятель», с которым герою, планирующему наступательную операцию, хочется «как-то ближе сойтись, по-приятельски, крепко»⁷⁷. Несмотря на явно иронический контекст этой фразы, те, кто находится по ту сторону фронта, не вызывают у героя ни страха, ни ненависти.

Однако главное в этом романе то, что война дана глазами бойца, командира, соратника Александра Захарченко*. В романе не анализируются причины и истоки войны, но есть твердая убежденность, на чьей стороне правда. В тексте показаны взрывы, окопы, замерзшие бойцы, детские гробики и искалеченные двадцатилетние мальчишки с перебитыми позвоночниками, но единственная жизнь, которая по-настоящему чего-то стоит, это лишь жизнь Захарченко, или Бати, как его нежно называют его бойцы, «цезаря, полубога, которому положено передвигаться на колесницах»⁷⁸. Для повествователя он становится, несмотря на то, что они ровесники, фигурой, замещающей отца, фигурой, крайне важной для всего творчества Прилепина, все время настойчиво «прорабатывающего» травму собственной потери: в раннем возрасте он лишился отца. Портрет Захарченко создан мощными, яркими красками. При этом в его образе очень много детского, что для писателя является признаком истинного, искреннего, витального: «Еще на подходе услышал его голос и неподражаемый смех: заливаешь как ребенок. Ей-богу, так только дети могут смеяться»⁷⁹; «Захарченко хохотал больше всех, откашливая остатки

* Захарченко Александр Владимирович (1976–2018) — глава Донецкой Народной Республики. Погиб в результате теракта, получив несовместимую с жизнью черепно-мозговую травму.

смеха, и снова заливаясь, как самый голубоглазый и лобастый ребенок, которого щекочут. Жизнь щекотала и веселила его»⁸⁰. В центре романа Прилепина не маленький человек, как в «Интернате», который ничего не решает в маховике истории, а вершитель судеб. С первых страниц понятно, что роман закончится тогда, когда прогремит взрыв, убивший главу ДНР («На улице начиналось лето, его последнее, а мое нет»⁸¹), и оттого все эпизоды, связанные с его появлением, оставляют щемяще тревожное чувство, особенно, когда он играет со своим сыном, а герой романа думает, запомнит ли тот, как «отец подкидывал его на шею, причем сын не садился, свесив ножки, а вставал, как бы находясь теперь на корабле, на палубе, и пошатывался там, замерев»⁸².

Каждый из романов вносит свою лепту в строительство памяти о событиях периода вооруженного противостояния на востоке Украины, которые будут помнить, как это происходит в современной действительности, не по учебникам истории, а по знаковым художественным текстам, каковыми уже являются оба произведения. Несмотря на трагичность того, что происходит в обоих романах и, казалось бы, сознательное противопоставление прилепинского текста «Интернату»*, и там, и там человеческая жизнь сама по себе не является ценностью. В романе Жадана Паша с его равнодушной и ничемной довоенной жизнью становится сколько-нибудь значим, когда ему приходится совершать поступки, погружаться в войну и постепенно приходит к пониманию, что надо что-то делать и становиться на чью-то сторону. Цепен оказывается не человек, а гражданин. В романе Прилепина четко прослеживается мысль, которую он высказывал и в своем ЖЖ, и в интервью, что человеческая жизнь (если только это не жизнь такого выдающегося человека, как Захарченко) сама по себе не представляет ценности: «Нас не жалко, вас не жалко, никого не жалко», — будто вторит герой из романа «Некоторые не попадут в ад» Паше из «Интерната». «Просто для меня республика — это он [Захарченко. — *Е. Б.*]»⁸³, поэтому его жизнь и имеет ценность. Прилепин утверждает, что есть нечто большее, чем жизнь человека, — семья, страна, Бог. С этим трудно не согласиться, однако тогда возникает главный вопрос: кто и как решает, что в данный мо-

* Свидетельство этому можно увидеть в эпизоде несостоявшейся, но планируемой атаки на интернат в романе «Некоторые не попадут в ад».

мент важнее жизни конкретного человека? В какой момент человек из субъекта, принимающего решения о ценности собственной жизни, превращается в объект, решения в отношении которого принимаются Другим? И не видим ли мы на примере двух романов как аксиологический сдвиг в отношении значения человеческой жизни имплицитно является индальгенцией на убийство?

Новое измерение. Прилепин

Большая часть произведений, написанных Прилепиным после начала вооруженного противостояния в Донбассе, так или иначе связана с этими событиями. Это и публицистические сборники «Все, что должно разрешиться. Хроники идущей войны» (2016), «Истории из легкой и мгновенной жизни» (2019), «Имя рек. 40 причин поспорить о главном» (2020), и биографическое исследование «Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы» (2017), которое «встраивает» выдающихся русских литераторов в ряд тех, кто с оружием в руках воевал за свою Отчизну, в том числе в ходе захватов чужих территорий (естественным продолжением этого ряда является, как понимают читатели «Взвода», и сам Прилепин — писатель, офицер и ополченец).

Однако новое, сугубо художественное осмысление получает тема войны в Донбассе в вышедшей в сентябре 2020 г. книге Прилепина «Ополченский романс», чей первый тираж был стремительно раскуплен, что в очередной раз говорит о большой популярности писателя, несмотря на явную полемичность его фигуры. В ней содержится 14 рассказов, связанных между собой персонажами и местом действия, как легко догадаться, — Донбассом, где уже идут военные действия (события только двух рассказов происходят на «большой земле»). Это очень узнаваемая, «прилепинская» проза с яркими образами, афористичными фразами, свежими сравнениями, увлекательными, неожиданными сюжетами, живыми персонажами, искренней, честной, страстной интонацией.

Открывает книгу рассказ «Жизнь», по тональности очень схожий с ранними рассказами Прилепина из сборника «Ботинки, полные горячей водкой». Главный герой «Жизни» вовсе даже и не ополченец (по крайней мере пока), а не очень состоявшийся в жизни мужчина среднего возраста, чья жизнь начинает обретать смысл и контуры только после начала войны. Он кажется во многом воплощением

донбасского характера: терпеливого, неповоротливого, но вместе с тем «не ищущего своего» и надежного.

Шаг за шагом, рассказ за рассказом читатель все глубже и глубже погружается в войну: от зачистки диверсионной группы («Шахта»), перехода границы и чудесного спасения от гибели нового ополченца Востряцова («Дорога») к военным будням рассказов («Холод», «Одни», «Заправка» и др.), к кульминационной сцене расстрела пленных в одноименном рассказе и следующим за ним рассказом «Дитя», полным нежности к дочери. Как и положено романсу, главное место уделено настроению, лирической составляющей этой совсем не лирической темы.

Герои «Ополченского романса» оказываются на войне потому, что им нравится воевать. Они не осуждают тех, кому не нравится, но сами не являются жертвами обстоятельств, судьбы, фатума, высшей силы (как герои произведений Жадана), это их осознанный выбор. Каждый их них — будь то вполне успешный менеджер среднего звена Вострецов, или бывший зек и наркоман Худой, или ветеринар Абрек, или разочаровавшийся в семейной жизни капитан Лесенцов — нашел себя настоящего именно на этой войне, вырвавшись из «мертвящей болтовни»⁸⁴ обыденной жизни. Они истово верят, что сражаются за Родину и за добро, «за все хорошее против всего плохого», «хорошие» против «плохих». Эта вера дает им право убивать людей с другой стороны фронта без серьезных душевных терзаний и рефлексий, которые, конечно же, не могут проявиться на поле боя, иначе этого поля просто не было бы, но на возможное будущее появление таких рефлексий нет даже и намека: ополченцы по-евангельски «не ведают, что творят». И только бабка из рассказа «Работяги», молясь о каждом боевом товарище внука по отдельности и ставя за них свечки, продолжает задаваться вопросом, как отомстить и спасти тех, чья работа была убивать. Этот рассказ, самый пронзительный во всей книге, предлагает несколько иное видение и измерение войны, понимание того, что война закончится, а жить героям и собирать себя нужно будет и дальше. Однако неслучайно не он становится завершающим, а рассказ «Домой», в котором герой — капитан Лесенцов — остается жив и спасает своих товарищей от гибели на минной полосе, оставленной когда-то им же, благодаря самостоятельному сочиненному детскому стишку, последние слова

которого «Я родину люблю» становятся практически последними словами «Ополченского романса». В них сливаются вся наивность, чистота и детскость героев рассказов и искренняя, неизбывная любовь к родине, освещающая и освящающая все, что они делают.

Иное измерение. Жадан

Совсем по-иному раскрывается тема войны в Донбассе в поэтических сборниках Сергея Жадана и пьесе «Хлебное перемирие» (2020)⁸⁵. Необходимо отметить: все, что украинский автор пишет после 2014 г., так или иначе связано с этой войной. По-другому для него быть не может. На вопрос о своей мечте писатель ответил в интервью 2018 г.: «У меня есть конкретная мечта, связанная с тем, что у нас происходит в стране: чтобы как можно скорее закончилась война, чтобы как можно скорее вернули себе границы, наши территории, чтобы Украина начала жить нормальной, полноценной жизнью». Когда журналистка поинтересовалась, о чем Жадан мечтает лично для себя, тот добавил следующее: «Как это пафосно ни прозвучит, я эти вещи не разделяю. Я этим живу. То есть [нельзя. — Е. Б.] сказать, что тут есть моя прекрасная квартира, машина Volkswagen, а тут — война, что я с утра занимаюсь квартирой, а в обед думаю о войне... Это все — наша жизнь, разделять эти вещи мне лично очень сложно»⁸⁶.

Пьеса «Хлебное перемирие»*, дебют писателя в этом жанре, — трагикомедия. События в ней происходят летом 2014 г. на восточной территории, где идут военные действия, во время первой попытки перемирия, предпринятой для того, чтобы люди смогли собрать урожай. Главные герои — два брата: один вызвал другого домой на похороны матери. Все действие пьесы происходит в доме, отрезанном от «цивилизации» рекой, мост через которую взорвали. В нем нет воды и электричества, зато в холодильнике есть неиссякаемый запас пива; на втором этаже лежит незахороненное тело матери, которое непонятно, как и где хоронить. Постепенно в доме собираются знакомые и соседи, между которыми возникают подозрения и недоверие: никто точно не знает, кто на чьей стороне. «Слов не хватает. Слова первыми закончились. Сломалось все, все говорят по-своему, никто

* Премьера пьесы состоялась в конце декабря 2020 г. в Киеве в Театре драмы и комедии на левом берегу Днепра.

никого не слышит, никто никого не понимает»⁸⁷. В конце пьесы все, кроме одного из братьев, покидают дом, но в итоге возвращаются обратно, потому что идти некуда: поля, с которых нужно собирать урожай, горят, перебраться через реку невозможно. Перемирие без мира оказывается для людей мышеловкой, из которой нет выхода.

Одна из наиболее важных, а возможно, самая важная книга о войне, уже разошедшаяся на цитаты и лишенная какой-либо ангажированности, — сборник стихотворений Жадана «Жизнь Марии» (2015), содержащий 60 стихотворений самого автора и 20 переводов поэтических текстов Чеслава Милоша. Вступление — перевод «Благовещения» из цикла «Жизнь Марии» Райнера Марии Рильке. Эта книга, действительно, как благая весть в страшные времена, говорит о любви среди ненависти, о надежде среди отчаяния, о попытке понимания среди вражды, о чаянии спасения среди всеобщей гибели. В сборнике нигде не назван Донбасс, есть только некий Город: «Город жалко [...] Уничтожат его, // Как Содом Гоморру»⁸⁸. Это название придает поэтическим строкам иную оптику, обращенную в вечность. Беженцы, дезертиры, списки погибших у комендатуры, разрушенные города, брошенные дома — это все не только про войну в Донбассе, но и про любую войну, нарушающую естественный, нормальный ход жизни. Метафизическое одиночество, состояние вражды и войны оказывается выбором самих людей, как в одном из самых известных стихотворений сборника «Наши дети, Мария»: «...враги появляются среди нас потому лишь, // что мы сами ведем себя, как враги*»⁸⁹. Однако главное, что есть в этих стихах и во всем сборнике, — это все же надежда на спасение, «если не нас, то хотя бы наших детей»⁹⁰.

Надежда, любовь, вера остаются ценностными стрелками всех последующих поэтических сборников Жадана, будь то «Тамплиеры», содержащие «39 стихотворений про войну, которую никто не объявлял, про боль, с которой никто не может справиться, про любовь, от которой никто не может отказаться, и надежду, на которой все держится»⁹¹, «Антенна», где «дневниковые записи могут оказаться военной хроникой, а библейские истории — утренними новостями»⁹², или «Список кораблей», который становится списком тех, кто ушел,

* Перевод Б. Херсонского.

но о ком нельзя забыть, и где «поэзия жизни идентична поэзии смерти»⁹³. Тексты в этих книгах — «про то, что жизнь должна продолжаться даже тогда // когда продолжается война»⁹⁴.

В итоге

Для публицистических произведений и романов писателей, посвященных войне в Донбассе, главной ценностью является выбор, совершаемый человеком, решение, на чьей он стороне. Такой выбор получает статус онтологического. При этом у каждой из сторон «своя правда», каждая считает, что находится на стороне добра, а тех, кто воюет по другую сторону фронта, полагает воплощением зла и неправды. В водовороте исторических событий жизнь обычного человека не представляет никакой ценности; если он не осуществил свой выбор, то как бы и не существует, поэтому его смерть, так же, как и смерть «врагов», изображается хоть и трагической, но необходимой и неизбежной. Единственными настоящими заложниками ситуации оказываются только дети, от которых не требуется совершать выбор, чтобы иметь право на жизнь.

Этот же аксиологический вектор, несмотря на лишенное пафоса и бравады книги «Некоторые не попадут в ад» реалистическое изображение военных будней, сохраняется в «Ополченском романсе» Прилепина, чьи герои обретают себя по-настоящему лишь на войне, безоговорочно считая себя носителями добра и правды, освящаясь этим знанием, приобретая черты «положительно прекрасных людей», в чем-то юродивых, непонятых и не признанных на «большой земле», но по-детски настоящих, ангелоподобных в среде боевого братства.

В поэтических сборниках Жадана и пьесе «Хлебное перемирие» война представлена как метафизическое зло, которое может произойти (и происходит) в любой части земного шара. Беженцы из сборника «Жизнь Марии» — не только беженцы из восточной части Украины, это любые люди, лишенные крова и родной земли, которые уже «никогда не увидят свои города»⁹⁵. В поэтических произведениях о войне главной ценностью становится не выбор человека, не решение, на какой он стороне баррикад, а способность в разрушаемом войной мире найти в себе веру, любовь и надежду на спасение «если не нас, то хотя бы наших детей».

Федор Михайлович Достоевский, для которого вопрос спасения человека и человечества был одним из центральных в творчестве, признавая в определенных случаях необходимость войны (если эта война освободительная), о гражданском противостоянии высказывался однозначно: «Один только вид войны ненавистен и действительно пагубен: это война междоусобная, братоубийственная. Она мертвит и разлагает государство, продолжается всегда слишком долго и озверяет народ на целые столетия»⁹⁶. Два по-настоящему выдающихся современных писателя, находящихся и физически, и существенно по разные стороны фронта, предлагают каждый свой вариант художественного осмысления идущей гражданской войны, рецепция которой следующими поколениями будет зависеть в том числе и от аксиологического вектора рассмотренных в статье произведений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Пухонська О.* Літературний вимір пам'яті Київ, 2018. С. 247. Здесь и далее, если специально не указано, перевод сделан автором статьи.
- ² В нашем исследовании эти произведения рассматриваться не будут. На русском языке можно познакомиться со следующей статьей, посвященной им: *Герасимов В.* Эмоциональные матрицы украинских комбатантов в художественной литературе об АТО // Неприкосновенный запас. 2020. № 1. С. 180–184.
- ³ На диалог не способны: украинские писатели отказались общаться с Прилепиным. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2645169> (дата обращения: 29.05.2020).
- ⁴ Между Платоном и Платоновым. С писателем, поэтом и певцом Сергеем Жаданом беседует Улдис Тиронс. URL: <https://www.rigaslaiks.ru/zhurnal/besedy/mezhdu-platonom-i-platonovym-18786> (дата обращения: 03.02.2021).
- ⁵ *Калашников В.* Захар Прилепин: «Я абсолютно убежден, что о базе НАТО в Ульяновске Путин договорился именно тогда» // Остров. 04.06.2013. URL: <https://www.ostro.org/general/society/articles/420205/> (дата обращения: 30.05.2020).
- ⁶ Захар Прилепин: за поправки в Конституцию, за Донбасс и «За правду». URL: <https://rtvi.com/na-troikh/zakhar-prilepin-za-popravki-v-konstitutsiyu-zadonbass-i-za-pravdu/> (дата обращения: 18.01.2021).
- ⁷ URL: <https://prilepin.livejournal.com/167683.html> (дата обращения: 18.06.2020).
- ⁸ *Колобродов А.* Захар. М., 2015.
- ⁹ *Дзюба І.* Чорний романтик. Сергій Жадан. URL: https://royallib.com/read/dzyuba_van/chorniy_romantik_sergiy_gadan.html#163840 (дата обращения: 10.06.2020).

- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Куда приводят мечты. Сергей Жадан дает оценку Зеленскому и рассуждает, кто может стать следующим президентом. URL: <https://nv.ua/ukraine/politics/sergey-zhadan-o-zelenskom-vostoke-ukrainy-i-novoy-pese-intervyu-novosti-ukrainy-50093559.html> (дата обращения: 05.01.2021).
- ¹² *Жадан С.* Anarchy in the Ukr. Луганський щоденник. Харків, 2014.
- ¹³ *Прилепин З.* Не чужая смута. Один день — один год. М., 2015.
- ¹⁴ Вышла в переводе на русский в 2008 г.: *Жадан С.* Anarchy in the Ukr. СПб., 2008.
- ¹⁵ *Жадан С.* Луганський щоденник. URL: https://royallib.com/read/gadan_sergy/anarshy_in_the_ukr_luganskiy_shchodennik.html#593920 (дата обращения: 05.06.2020).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Сосновский Д.* «Не чужая смута»: книга Захара Прилепина об Украине // Российская газета. 13.04.2015. URL: <https://rg.ru/2015/04/13/ne-chuzhaya-smuta-site.html> (дата обращения: 03.06.2020).
- ¹⁹ *Прилепин З.* Летучие бурлаки. М., 2015.
- ²⁰ *Колобродов А.* Захар. С. 411.
- ²¹ *Балуева А.* Захар Прилепин «Не чужая смута. Один день, один год» // Комсомольская правда. 01.04.2015. URL: <https://www.kp.ru/daily/26362.3/3242783/> (дата обращения: 07.06.2020).
- ²² *Прилепин З.* Не чужая смута. С. 252.
- ²³ Там же. С. 318.
- ²⁴ Там же. С. 344.
- ²⁵ Там же. С. 343.
- ²⁶ Там же. С. 371.
- ²⁷ Там же. С. 445.
- ²⁸ Там же. С. 440.
- ²⁹ Там же. С. 636.
- ³⁰ Там же. С. 430–431.
- ³¹ Жадан С. Луганський щоденник.
- ³² Прилепин З. Не чужая смута. С. 610.
- ³³ Там же. С. 387.
- ³⁴ Захар Прилепин. Новый роман «Обитель». URL: <http://svpressa-nn.ru/2014/323/zahar-prilepin-novyi-roman-obitel.html> (дата обращения: 24.06.2020).
- ³⁵ Интервью А. Чаленко с С. Жаданом. URL: <https://www.obozrevatel.com/society/zhadan-anarho-kommunist-a-ne-gomoseksualist.htm> (дата обращения: 07.04.2020).
- ³⁶ *Жадан С.* Ворошиловград. Харьков, 2011. С. 406.
- ³⁷ *Жежера В.* Перший і останній роман про війну. URL: <https://www.bbc.com/ukrainian/features-42054730> (дата обращения: 23.06.2020).

- ³⁸ *Куришко Д.* Жадан про «Інтернат»: приводячи війну у дім, ти ризикуєш втратити багато. BBC. News. Україна. 6 грудня 2017 року. URL: https://www.bbc.com/ukrainian/features-42185504?ocid=socialflow_facebook (дата об'ращення: 26.06.2020).
- ³⁹ *Генкина М.* Никого не жаль: новый роман Сергея Жадана «Інтернат» // Сноб. 18.09.2017. URL: https://snob.ru/profile/8353/blog/129118#comment_867239 (дата об'ращення: 06.06.2020).
- ⁴⁰ *Жадан С.* Інтернат. Чернівці, 2017. С. 115.
- ⁴¹ Там же. С. 325.
- ⁴² *Кухар А.* З нами стався «Інтернат». URL: <http://litakcent.com/2017/09/05/z-nami-stavsya-internat> (дата об'ращення: 26.06.2020).
- ⁴³ *Жадан С.* Інтернат. С. 272.
- ⁴⁴ Там же. С. 21.
- ⁴⁵ Там же. С. 9.
- ⁴⁶ Там же. С. 20.
- ⁴⁷ Там же. С. 323–324.
- ⁴⁸ *Стасіневич Є.* «Інтернат» Жадана: дорога до тихого дому. URL: <http://archive.chytomo.com/news/internat-zhadana-doroga-do-tixogo-domu> (дата об'ращення: 21.06.2020).
- ⁴⁹ *Жадан С.* Інтернат. С. 15.
- ⁵⁰ Там же. С. 324.
- ⁵¹ Там же. С. 334.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же С. 335.
- ⁵⁴ Там же. С. 307–308.
- ⁵⁵ *Куришко Д.* Жадан про «Інтернат».
- ⁵⁶ *Кухар А.* З нами стався «Інтернат».
- ⁵⁷ Захар Прилепін о новой книге, войне на Донбассе и отношениях с другими писателями. Телеканал «Санкт-Петербург». 23 апреля 2019 г. URL: <https://topspb.tv/programs/stories/475059> (дата об'ращення: 28.06.2020).
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ *Прилепін З.* Некоторые не попадут в ад: роман-фантазмагория. М., 2019. С. 30.
- ⁶⁰ Там же. С. 33
- ⁶¹ Там же. С. 36.
- ⁶² Там же. С. 6–7.
- ⁶³ Там же. С. 383.
- ⁶⁴ Там же. С. 11.
- ⁶⁵ Там же. С. 6.
- ⁶⁶ Там же. С. 374.
- ⁶⁷ Там же. С. 300.

-
- 68 Там же. С. 165.
- 69 Там же. С. 170.
- 70 Там же. С. 150.
- 71 Там же. С. 112.
- 72 Там же. С. 29.
- 73 Там же. С. 124.
- 74 Там же. С. 79.
- 75 Там же. С. 121.
- 76 *Прилепин* З. Патологии. С. 271.
- 77 *Прилепин* З. Некоторые не попадут в ад. С. 91.
- 78 Там же. С. 154.
- 79 Там же. С. 17.
- 80 Там же. С. 21.
- 81 Там же. С. 16.
- 82 Там же. С. 86.
- 83 Там же. С. 236.
- 84 *Достоевский* Ф.М. Дневник писателя. М., 2010. С. 559.
- 85 *Жадан* С. Хлібне перемир'я. П'єса. Чернівці, 2020.
- 86 *Жадан*: Мы должны относиться к людям по ту сторону фронта не как к предателям, а, скорее, как к заложникам. URL: <https://gordonua.com/publications/zhadan-my-dolzhny-otnositsja-k-ljudjam-po-tu-storonu-frontane-kak-k-predateljam-a-skoree-kak-k-zalozhnikam-333876.html> (дата обращения: 10.07.2020).
- 87 *Жадан* С. Хлібне перемир'я. П'єса. Чернівці, 2020. С. 114.
- 88 *Жадан* С. Життя Марії. Книга вершів і перекладів. Чернівці, 2015. С. 62.
- 89 Там же. С. 8.
- 90 Там же. С. 9.
- 91 *Жадан* С. Тамплієри. Нові вірші, 2015–2016. Чернівці, 2016. С. 4.
- 92 *Жадан* С. Антена. Чернівці, 2018.
- 93 *Жадан* С. Список кораблів. Чернівці, 2020. С. 142.
- 94 *Жадан* С. Життя Марії. С. 41.
- 95 *Жадан* С. Мы с тобой беженцы. Перевод с укр. А. Цветкова. URL: <https://emarinicheva.livejournal.com/285826.html> (дата обращения: 09.02.2021).
- 96 *Достоевский* Ф.М. Парадоксалист // Русские философы о войне. М., 2005. С. 11.